

деление РАН, 1997. – 479 с. – Т. 12 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

4. Пекарский, Э.К. Словарь якутского языка / Э.К. Пекарский. – Л. : Издательство АН СССР, 1958. – Т. 1. Вып. 1-4. – С. 1-1279.

5. Пекарский, Э.К. Словарь якутского языка / Э.К. Пекарский. – Л. : Издательство АН СССР, 1959. – Т. II. Вып. 5-9. – С. 1280- 2508.

6. Полевой материал автора статьи.

А.Ф. Корякина, к.пед.н.

Гиперболы как изобразительно-выразительные средства в якутском олонхо и бурятском улигере

Среди разных жанров устной поэзии якутов и бурят эпосы по праву считаются уникальными образцами эпической традиции, вершиной устного народного творчества. Эпические произведения о героической борьбе богатырей с врагами-чудовищами народов саха и бурят создавались на протяжении длительного исторического времени, содержание их пополнялось, обогащалось, обновлялось. Об олонхо с большим восхищением писал Суорун Омоллон: «Олонхо для якутского народа есть энциклопедия мудрости, его искусства и поэзии. Это музей, где собран весь алмазный фонд поэтического гения этого народа, все вершины духовного и материального творения его в прошлом» [10, с. 29]. «Великой центральноазиатской эпопеей» называет Гэсэриаду С.Ю. Неклюдов [10, с. 68].

Проведение сравнительных исследований якутского и бурятского народных эпических произведений, выявление общности и отличий их художественных структур, идейно-эстетических богатств, национального своеобразия, образности могло бы привести к выяснению истоков, вопросов бытования, путей происхождения, путей соприкосновения, взаимосвязи, взаимодействия олонхо и улигера. Сравнительное изучение эпосов может способствовать практическому решению вопроса об этнической схожести и своеобразии якутского и бурятского народов, историко-культурном взаимовлиянии на различных этапах их развития. Все это говорит об актуальности проблемы.

Между эпосами якутского и бурятского народов отчетливо сквозит жанровое сходство, героичность описываемых событий, некоторая стилизованность, богатство художественных средств, а также сходство мировоззренческих представлений и нравственных установок. Они показывают образную картину бытия, древнего быта, обычаев и чаяний когда-то имевших тесные культурно-исторические связи народов.

Древнюю жанрово-типологическую связь между олонхо и другими эпическими традициями народов Южной Сибири, Прибайкалья и Монголии в разные времена исследовали ученые В.М. Жирмунский [7], Н.В. Емельянов [4, 5, 6], Г.В. Ксенофонтов [8], Е.М. Мелетинский [9], А.П. Окладников [12], П.А. Ойунский [13], И.В. Пухов [14, 15], М.И. Тулохонов [18], Г.У. Эргис [20] и др.

Об общности якутского олонхо с бурятским эпосом писал Г.У. Эргис: «Бурятские «улигеры» (или «онотхо») и монголо-ойратские «гули» наиболее близки к олонхо своей насыщенностью сказочными мифологическими элементами, композицией, а также отдельными эпическими мотивами и формулами» [20].

Сходства в сюжете, композиции, образной системе, стиле бурятского «Гэсэра» и якутского олонхо обнаружил И.В. Пухов [14, с. 85].

Близость содержания, художественно-выразительных средств якутского и бурятского эпосов была отмечена и А.П. Окладниковым: «Гиперболические описания битвы богатырей в таких же формах свойственны эпосу монгольских племен, начиная с бурятских улигеров и кончая монголо-ойратскими былинами» [12, с. 32].

На примере сравнительного анализа системы изобразительно-выразительных средств олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» Платона Ойунского и улигера «Абай Гэсэр Могучий» в записи Маншуда Имененова мы отмечаем, что высокие художественные достоинства эпосов, героический характер содержания находят свое выражение в весьма богатом поэтическом языке и в красоте высокого стиля эпосов, которые складывались и отработывались в течение длительного времени.

Самое распространенное и яркое проявление образности в якутском и бурятском эпосах – это гиперболизация, которая создается благодаря образности используемых сравнений, эпитетов, метафор. Гипербола рассчитана на эмоциональное воздействие и придает величие, масштабность, красоту описываемым событиям, героям.

В гиперболах описания Нюргун Боотура в олонхо используется множество сравнений, метафор, с помощью которых перед глазами слушателя олонхо предстает мощный, грандиозный, грозный вид главного богатыря:

*Исполн Нюргун Боотур,
Возник в ужасающем виде своем,
Заслоняя полмира собой,
На полмира бросая тень;
Солнце ли высоко стоит,
Солнце на небе затмевает он;
Месяц ли высоко стоит,
Солнце на небе затмевает он;
Месяц ли высоко стоит,
Месяц спиной заслоняет он.*

[9, с. 185].

В отличие от олонхо, в улигере нет развернутой словесной характеристики главного героя, в «Гэсэре» больше повествовательного момента, но мы узнаем о могучести его вида из гиперболических сравнений: зубы его, «Как лопаты большие», серьги, «Как колеса, большие», «Шея его стала как у быка» [1, стк. 241].

В олонхо одним из основных предметов эпического преувеличения является физическая сила главного героя:

*Нюргун Боотур
Гроном загрохотал,
Молнией завсеркал
И в черную каменную скалу.
В осколки скалу расколел,
Змея, душившего в кольцах его,
О твердый гранит ободрал.*

Сверхъестественность силы Гэсэра описывается так:

*Гэсэр ногтями разодрал
Могучую листовенницу, которую и десятерым
Не обхватить. Играючи Гэсэр
Втиснул в ту расщелину
Старого мангатхая.*

[1, 293]

Под стать мощному виду якутских богатырей их жилища: *правая стена жилья у Кыыс Нюргуна широка, как поляна-алас, ложа словно мысы возвышенных берегов* [9, с. 365].

В «Гэсэре» мало описаний жилища, усадьбы героя. Но и здесь наблюдается гиперболичность. Например, дворец Гэсэра – *Высотой до небес* [1, стк. 246].

Непомерной красотой наделяют гиперболы коней богатырей и создают живую картину. В «Нюргун Боотуре»:

*Только вихрем пыль
Заклубилась за ним (конем),
Только молнии за горой
Вспыхивали по следу его,
Только гром вдалеке
Громыхнул и затих.
Треснул оглушительный гром,
Сотрясая кровлю жилья.* [9, с. 106]

В «Гэсэре»:

*Тут статный конь голубой
Длиной в девяносто сажений
Фыркнул так, что
Туман покрыл все окрест,
Тьма наступила, такая, что
Человека рядом не видно.* [1, стк. 246]

В олонхо и улигере красоту гипербол создают сравнения. Как отметил Г.У. Эргис, в олонхо «многие сравнения заимствованы из мира окружающей природы, скотоводческого и охотничьего быта. Например, высокий лес сравнивается с гривой лошади. Всадник, быстро и ловко вскочивший в седло, сравнивается с черным глухарем, взлетевшим весной с проталины» (Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. С. 204).

Сравнения наделяют необыкновенной красотой женщин эпосов. При этом в обоих эпосах часто сравнение основано на привлечении образов птичек.

*Чиста и белоснежна красавица олонхо, точно светится изнутри:
С девятисаженной волнистой косой,
Глазами темными поводя,
Зубами в улыбке блестя,*

*Румянцем нежным горя,
Стройная, как белоснежный стерх,
Величавая, как лебедь весной.* [9]

*Айталыын Куо
Жаворонок золотой,
Медногрудая синичка.* [9, с. 92]

Если девушки народа айыгы уподобляются стерху, лебедю, кукушке, синичке, в «Гэсэре Могучем» девушки часто сравниваются с кукушкой, синичкой:

*Как кукушка, красивая
Дочь появилась.* [с. 228]

*Вслед за [первой]
Вторая дочь появляется.
Самой кукушки красивее
Дочь, на синичку похожая.* [1, стк. 228]

Схожие сравнения, взятые из окружающего мира, находим в описании боя богатырей:

В «Нюргун Боотуре»:

*Как два зверя, зычно крича,
Как два льва, свирепо рыча,
Друг у друга мечом норовя
Черную печень рассечь –
Будто шибились гора с горой,
Бить взялись друг друга они.* [9, с. 198]

В «Гэсэре»:

*Словно быки, головы нагнув,
Глядя исподлобья, друг на друга пошли;
Мрачные, как грозовые тучи,
Сошлись они.
Как только сошлись,
Лбами друг в друга уперлись, словно быки,
Словно бодающиеся изюбры,
Пыхтят от натуги.* [1, стк. 3360]

Эмоционально окрашиваются гиперболы олонхо и улигера с помощью избытка эпитетов. В них эпитеты золотой, серебряный, светлый, белый выполняют функцию положительного определителя:

При описании женщин айыы аймага используются постоянные эпитеты: *золотой, светлый, белый, медный.*

*Светлоликая Туйаарыма Куо,
Озаряющая, как солнце наш дом,
Блистающая лучезарным лицом,
Прекрасная Туйаарыма Куо.* [9, с. 296]

А конь, на котором ездила она, – «золотисто-карий бегун».

Своего защитника народ айыы называет «светлым защитником жизни земной» (9, с. 230), лицо его «утренним солнцем блистает».

В улигере эпитеты «белый», «красный», «серебряный», «золотой» используются тоже в украшающем значении: «добрый», «благородный», «желанный» – в значении красивый, а «красный» – в значении «сильный», «крепкий», «стойкий». При описании бытовых предметов или одежды героев используется эпитет «серебряный» в сочетании со словами определительного значения. Например: стол «расписной серебряный», налучник «тонкий серебряный». Эпитет «золотой» обычно встречается в сочетании с эпитетом «серебряный»: «злато-серебряный мост», «злато-серебряный стол».

В улигере эпитеты «черный» и «желтый» показывают могучую таинственную силу или необыкновенные свойства предметов и явлений. Эпитет «черный» – один из самых многозначных по семантике в эпическом контексте. Стрела, которая поражает могучего врага и добывает его «душу», называется «хангайская черная стрела», т.е. «могучая стрела», «разящая стрела». «Вечной черной водой» называется живая вода.

Эпитет «желтый» выступает как олицетворение чего-то враждебного, опасного для богатыря. Он постоянно употребляется в таких сочетаниях: «кусающий желтый мангадхай», «ядовитый желтый змей», «желтый туман».

Олонхо отличается множеством метафор. Метафоры олицетворяют природные силы и явления: «тыал ытыыр-ыллыыр» (ветер воет-поет), «силлиэ тыал кетөр-сүүрэр» (ветер летит-бежит), «күн күлэр-үөрэр» (солнце радуется-смеётся), «күөл сизркилэтэ» (зеркало озера) и т.д. Врага своего Нюргун Боотур уподобляет медведю, волку:

*Из логова вырвался волк,
Из берлоги вылез медведь.
Хищника я прослежу,
Хитрого разбойника я догоню,
Отыщу дорогу мою сестру.* [9, с. 181]

В улигере относительно редко встречаются метафоры, главным образом неразвернутые, простые, с переносным значением. Метафоричны по смыслу многие сравнения, когда по каким-либо признакам происходит сближение предметов, порой неожиданное.

*Сквозь утреннюю лучистую мглу –
За тремя озерами, вдалеке
Увидим: с неба до самой земли
Опускается изволоком перевал,
Радугой переливаясь, горя.* [9, с. 47]

П.А. Ойунский в свое время сказал: «Самое ценное в олонхо – это сила его языка, его образность, красочность». Так же гордится великим творением своего народа бурятский народ.

Богатство, красота языка олонхо и улигера – это результат многовекового развития героического эпоса якутов и бурят. Эпосы отражают через призму эпического художественного вымысла исторический путь развития народа в устоявшейся эпической форме, другими словами, поэтическая система олонхо и улигера отражает в художественно обобщенном виде исторические условия жизни и мировоззрение древнего общества. Изобразительно-выразительные средства эпосов – основополагающий словарный материал богатого и гибкого их языка. С помощью изобразительных средств описываемые события, герои обретают героическую окраску, непомерную красоту, величие.

Таким образом, эпическая образность строится на ассоциативных связях, она экспрессивна, наглядна, абстрактна, эмоциональна, эстетична.

Сопоставительный анализ изобразительно-выразительной системы эпосов якутского и бурятского народов приводит нас к заключению: якутский и бурятский эпосы имеют, несомненно, типологическую близость, обусловленную прохождением данными народами одних и тех же этапов в своем историческом, этнокультурном развитии.

Анализируемый нами материал подтверждает тот факт, что зарождение и развитие олонхо и улигера протекало в условиях тесных куль-

турно-исторических столкновений, взаимодействий, взаимовлияний данных народов на разных этапах своего развития в общем котле протюрко-монгольских народов, что эпосы обоих народов возникли на стыке исторических судеб и древних духовных контактов многих племен и народов, населявших территорию Центральной Азии и Южной Сибири, среди которых были предки тюрко-монгольских этносов.

В перспективе важным и актуальным в современном эпосоведении представляется постановка и решение проблем сравнительно-сопоставительного анализа поэтических систем эпических произведений тюрко-монгольских народов.

Литература

1. Абай Гэсэр Могучий. Бурятский героический эпос. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 526 с.
2. Дамбаева А.Н. Героический эпос народов Центральной Азии и Южной Сибири / А.Н. Дамбаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012.
3. Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо / Н.В. Емельянов. – М. : Наука, 1980. – 230 с.
4. Емельянов Н.В. Сюжеты ранних типов олонхо / Н.В. Емельянов. – М. : Наука, 1983. – 245 с.
5. Емельянов Н.В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени / Н.В. Емельянов. – М. : Наука, 1990. – 208 с.
6. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос / В.М. Жирмунский. – М., 1974.
7. Ксенофонтов Г.В. Пролог к богатырским былинам якутов: олонхо [из былины «Эрэйдээх-Буруйдаах Эр Соҕотох / пер. с якут. Г.В. Ксенофонтова] / Г.В. Ксенофонтов // Сибирские огни. – 1927. – № 2. – С. 64-67.
8. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса / Е.М. Мелетинский. – М., 1963.
9. Нюргун Боотур Стремительный. Якутский героический эпос олонхо Воссоздал на основе народных сказаний Платон Ойунский. – Якутск : Книжное издательство, 1975. 432 с.
10. Окладников А.П. Якутский эпос (олонхо) и его связь с югом / А.П. Окладников. – Якутск : Сайдам, 2013. – 62 с.

11. Ойунский П.А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание / П.А. Ойунский // Сборник трудов исследовательского общества «Саха кэскилэ». – Якутск : Якуткнигоиздат, 1927. – Вып. 1. – С. 98-139.

12. Пухов И.В. Олонхо – древний эпос якутов / И.В. Пухов. – Якутск : Сайдам, 2013. – 46 с.

13. Санжеева Л.Ц. Бурятский эпос: проблемы поэтики и стиля [Текст] / Л.Ц. Санжеева. – Улан-Удэ : Издательство Бурятского гос. ун-та, 2011. – 240 с.

14. Сивцев Д.К.-Суорун Омоллоон. О якутском эпосе олонхо / Д.К. Сивцев-Суорун Омоллоон // Эпос олонхо и эпическая поэзия саха (якутов). – Якутск : Якутский филиал издательства СО РАН, 2003. – 290 с.

15. Тулохонов М.И. Варианты бурятского эпоса «Гэсэр». Бурятский героический эпос / М.И. Тулохонов. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 526 с.

16. Цыбенкова Б.Б. Общности и различия бурятского эпоса «Гэсэр» и калмыцкого эпоса «Джангар» [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук.

17. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору / Г.У. Эргис. – М. : Наука, 1974. – 402 с.

Н.А. Оросина

Якутские удаганки олонхо в сопоставительном плане с образами небесных дев эпоса алтайских народов

В якутском героическом эпосе олонхо центральное место занимают *удаганки* (женщины-шаманки). Согласно мифологическим представлениям якутов, удаганки обитали во всех трех мирах: в Верхнем (Небе), Среднем (Земле) и Нижнем (Преисподней).

Образы удаганок в произведениях устного народного творчества якутов рассматривали в контексте своих работ такие исследователи, как филологи-фольклористы П.А. Ойунский [15], Г.У. Эргис [28], И.В. Пухов [19], Н.В. Емельянов [3], А.Е. Захарова [7, 8], С.Д. Мухоплева [11], Л.С. Ефимова [4], А.Н. Данилова [5, 6], этнографы-фольклористы Г.В. Ксенофонтов [10], Н.А. Алексеев [1], философы К.Д. Уткин [24, 25, 26, 27], А.С. Попова [17, 18], музыковед А.П. Решетникова [21], педагог С.И. Григорьева [2] и др.